

1. ККОМ. ГИ 21801. Автобиография И. Ф. Семенчука, 12 л. 1982 г.
2. Там же. ГИ 17745. Фотография ч/б. Удостоверение к почетной медали.
3. Там же. ГИ 17746. Фотография ч/б. Удостоверение к значку активиста Советского Фонда мира.
4. Там же. Д П 2410. *Акулич С.* Пропустить через сердце чужую боль... // Камч. правда. 1982. 13 февр. № 36.
5. Там же. Д П 2414. *Семенчук И.* Как формируется Советский фонд мира? // Ленин. путь. 1980. 15 нояб. № 138.
6. Там же. Д П 2417. *Семенчук И.* В фонд мира // Ленин. путь. 1981. 7 марта. № 29.
7. Там же. Д П 2419. *Семенчук И.* Овраги смерти // Ленин. путь. 1975. 12 апр. № 45.
8. Там же. Д П 2420. *Семенчук И.* Детям – мирное небо // Ленин. путь. 1981. 21 апр. № 48.
9. Там же. Д П 2423. *Семенчук И.* Век XX и мир // Ленин. путь. 1981. 30 июня. № 78.
10. Там же. Д П 2426. *Семенчук И.* По зову сердец // Ленин. путь. 1981. 19 февр. № 22.
11. Там же. Д П 2427. *Семенчук И.* От нарт до орбиты // Камч. правда. 1980. 26 янв. № 22.
12. Там же. Д П 2499. *Семенчук И.* Подвижники мира // Камч. правда. 1981. 22 мая. № 118.

А. А. Гончарова ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАМЧАТКИ О ВОЙНЕ

Ценность воспоминаний для воссоздания времени, эпохи, этапов человеческой жизни бесспорна. «Тайна памяти» многие века волновала и сейчас продолжает волновать ученых.

Память и воспоминание – далеко не равнозначные в содержательном плане понятия, хотя при бытовом употреблении часто сближаются. В памяти любого человека содержится то, что складывалось веками в человеческом сообществе. Коллективная память, генетическая память – это то, что свойственно человеку. Воспоминание – это всегда процесс, это особое усилие человека, направленное на обнаружение неких «образов жизни», скрытых в его мире (и памяти), на их «вызов», «возврат» ко времени воспоминаний. Механизм памяти, как и механизм воспоминаний, вряд ли может быть изучен, вероятно, он предельно личностен.

Русский писатель Иван Бунин, положивший в основу своей художественной концепции явление «памяти и воспоминаний», писал: «Мы ведь помним только то, что хочет помнить наша душа в соответствии со своими особенностями и в меру своих сил» (3, с. 85). Это всегда понимали фольклористы, этнографы, изучающие не только быт и уклад своего народа, но и его душу.

Не случайно уже в 1925 г. фольклористами была предпринята работа по собиранию автобиографических рассказов, а позднее запись устных рассказов принимает систематический характер. Так появились устные рассказы рабочих и крестьян, воспоминания о гражданской войне, а позднее – о Великой Отечественной войне.

Перед наукой фольклористикой встала задача – определение жанровых особенностей нового повествовательного материала. Пик споров пришелся на 30-е гг. XX в., но многие проблемы остались и до настоящего времени.

В фольклористической науке нет одного термина для определения подобных повествований. Чаще всего встречается термин «сказ». У истоков изучения сказа стоял известный русский фольклорист Ю. М. Соколов. Определяя особенности фольклора новой эпохи, а именно, советского времени, он писал: «И недаром именно в наше время наблюдается в фольклоре тяга к устным “сказам”, к биографическим и мемуарным рассказам, повествованиям о самих себе, о своей жизни, о событиях, в которых был участником, о знаменательных людях, с которыми приходилось встречаться или работать» (4, с. 56). Как видим, ученый употребляет термины «сказ» и «устный рассказ» как синонимы.

В более узком значении дает это понятие другой известный фольклорист В. П. Аникин: «Сказ – это вообще устный рассказ о чем-либо примечательном в общественном и личном быту. И, кроме того, это такой рассказ, истина которого удостоверяется либо личным опытом рассказчика, либо свидетельством кого-нибудь из современников» (2, с. 93).

В подобном жанре определяющими являются такие черты, как «примечательность» рассказанного и его «истинность» (с точки зрения рассказчика или другого лица). Сказ, по мнению данного ученого, личное воспоминание, перешедшее в традицию, т. е. интересное другим рассказчикам.

Вряд ли можно оспаривать то, что есть внешняя биография человека, которая направляется событиями как общественного, так и личного характера, и есть «внутренняя биография», то, что можно назвать «историей души», чаще всего она и воспроизводится в процессе воспоминания.

Уточним, что процесс воспоминания идет из настоящего, которое и участвует в оценке прошлого. Воспоминания – это всегда самоисследование человеком своей жизни.

В литературе XX в. есть интересный опыт создания целых книг на основе записей воспоминаний – участников войны, детей войны. У его истоков стояли такие писатели, как А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник, написавшие книгу «Я из огненной деревни». В этом же ряду стоит и «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. Эту традицию продолжила С. Алексиевич. Ее книга «У войны не женское лицо» потрясла многих. Предваряя свою книгу, автор приводит древнее изречение: «Если не забывать войну, появляется много ненависти. А если войну забывают, начинается новая» (1, с. 16).

Названные выше книги составлены из подлинных воспоминаний, авторы, как правило, устраняют себя из текста, оставляя за собой право комментария отдельных эпизодов, портретов людей, которые вспоминали. Авторская «воля», на наш взгляд, все же присутствует в композиции книг, она проявляется в особой концептуальной высвеченности материала.

Опыт подобной литературы всегда поучителен и важен для тех, кто работает с воспоминаниями.

Материалом для нашего исследования послужили аутентичные записи воспоминаний о войне, как ее участников, так и тех, кто жил далеко в тылу и испытал в полной мере трудности этого периода. Записи сделаны студентами филологического факультета Камчатского государственного педагогического института (затем Камчатского государственного университета) в период 1990–2000-х гг.

Информанты – женщины и мужчины, рожденные в 20-х гг. XX в. (1920, 1922, 1923, 1925, 1927), а те, кто во время войны были детьми, рождены в 1932–1933 гг.

Во время войны некоторые из них не были жителями Камчатки, к моменту же записи они проживали на Камчатке более 20–25 лет. Беседа в основном велась по определенной программе. Среди вопросов были следующие: «Как для Вас началась война, какие эпизоды войны особенно для Вас памятливы, какое место в Вашей жизни занимает война, где и как Вы встретили победу? Как сложилась Ваша судьба после войны?» Место записи – г. Петропавловск-Камчатский, Елизовский район.

Некоторые воспоминания представляют собою развернутые устные рассказы автобиографического характера, другие включают лишь эпизоды войны. Как и положено, по требованиям фольклорной записи, материалы содержат и портреты исполнителей, сделанные собирателями – студентами, иногда достаточно развернутые.

Это важная составляющая подобных материалов, т. к. в текст собиратель не может включаться, чтобы высказать свое отношение к сообщению, а в «портретах» мы видим, какие человеческие нравственные уроки получает тот, кто слушает.

Обратимся к воспоминаниям женщин – участниц боевых действий. Выбор «женского» взгляда на войну представляет особый интерес. Лик войны, увиденный женщиной, особенно поражает, т. к. женщина и война – понятия, находящиеся в антинормии по своей сути. Воспоминания женщин насыщены эмоциями, подробностями, но в них немало и общего с воспоминаниями мужчин.

Так, готовность защищать Родину, о которой говорят все, в женских воспоминаниях дается ярко, эмоционально, романтизировано. На вопрос о первых мгновениях войны Галина Васильевна Воловикова ответила следующим образом:

«Выступал Сталин по радио. Он сделал такое сравнение, которое я запомнила на всю жизнь. Он сказал, что война – это большая машина, и что если в этой машине не будет хватать гаечек и болтиков, то она не будет работать. Поэтому я представила себя таким болтиком или винтиком. У нас уже брали на фронт, а меня не взяли. Мне 19 лет было. Но я сама добилась того, чтобы меня взяли».

Многие наши герои воспоминаний на начало войны заканчивали школу, но вместо того, чтобы постараться остаться дома, рвались на фронт. Вот как об этом вспоминает Раиса Степановна Баюшева:

«Тем летом я сдавала экзамены за 10-й класс. Вместе с отцом мы пошли в Шахтинский горвоенкомат, но нам отказали по возрасту. Мне было 18 лет. Но у меня все мысли только о фронте и были, ну, прямо попасть, мне туда непременно надо было. Осенью снова пошли в военкомат. На этот раз отца моего призвали, а я снова в тылу осталась, пошла учиться на медицинские курсы. Думаю, все равно на фронт попаду. Вот, как хотелось родину защищать от фашистов. И только в феврале 1942 г. направили меня санитарным инструктором в армию».

Клавдия Кузьминична Фомина, девятнадцатилетняя девушка, встретила известие о войне

в Воронеже. А боевой свой путь начала в Архангельске в войсках противовоздушной обороны.

Валентина Алексеевна Батурлина на момент начала войны жила в Ленинграде:

«Когда началась война, все взрослое население призвали на фронт. Я тоже просилась, но не взяли, сказали, что здесь нужна. Я стала трудиться во 2-м аварийно-восстановительном полку НПО г. Ленинграда. Я была и донором. За сдачу крови давали кусочек хлеба и маленький кусочек масла. Бомбили очень часто, погибало много народу, люди замерзали от голода прямо на улице».

Война потребовала от наших героинь владения совсем не женскими профессиями:

«Мы, девушки-солдаты, лучами прожекторов ловили вражеские самолеты, а зенитчики сбивали их с помощью моего расчета», – вспоминает Клавдия Кузьминична Фомина. Она прошла всю Украину. В одном из боев была контужена. После госпиталя ее направили на службу в штаб части, где она «несла охрану боевого знамени полка», о чем с гордостью и сообщила нам.

Война никого не щадила, и наши героини были ранены, контужены, но после выздоровления снова возвращались в строй.

Так, Раиса Степановна Баюшева вспоминает, что лишь два месяца выполняла свои обязанности санинструктора, а затем ее контузило, и она оказалась в госпитале в Ростове-на-Дону:

«Немцы стали наступать, свернулся госпиталь, эвакуировался на восток. Я, как выздоравливающая, попала в горно-стрелковую дивизию и в составе стрелковой роты прошла в боях по всему Крыму. Только сейчас и помню – бой, грохот, а я ползу вперед, тащу раненого до своих окопов и снова вперед. Все чувства исчезали, не человек, а машина».

На вопросы: «Как и где Вы встретили известие о победе» получили, как и ожидали, почти одинаковые ответы:

«Счастье было великое, словами не передать» (Воловикова). «Победу, которую, конечно, мы все так ждали, что вам не передать, встретила я в Черновцах» (Фомина). «Известие о победе встретила в Чехословакии» (Баюшева). Другая героиня, В. А. Батурлина, также встретила победу в Чехословакии, в Праге: «Тогда же мне было присвоено звание ефрейтора».

Крым, Украина, Польша, Чехословакия – по этим землям шли наши прекрасные героини и вместе с другими приносили людям радость освобождения от фашистов.

Студенты – собиратели воспоминаний ветеранов, получили нравственные уроки, что отразилось в создании ими портретов исполнителей. Так, о Г. В. Воловиковой: «Ее жизненная стойкость и мужественность поражает». Про таких людей, как Галина Васильевна, говорят: «На них мир держится». С восхищением пишут они о другой героине – В. А. Батурлиной: «Пережила 900 дней блокады, видела все ужасы войны – это очень сильный человек. И все в ее жизни складывалось, как она хотела, в ней чувствуется внутренняя сила и выносливость».

Награды наших героинь: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», «За освобождение Кавказа», «За боевые заслуги», но, как все, они единодушно отмечали, для них это не главное: «Не за ордена же воевали, а за Победу».

Наши прекрасные героини сделали самое главное – дали счастливую возможность жить всем нам в мире и согласии.

Список информантов:

Батурлина Валентина Алексеевна, 1923 г. р.
Баюшева Раиса Степановна, 1923 г. р.
Воловикова Галина Васильевна, 1922 г. р.
Фомина Клавдия Кузьминична, 1922 г. р.

Список собирателей:

Малофеева М. В.
Волченкова Д. Н.
Дремина Ю.
Прилепкина Н.

1. *Алексиевич С. А.* У войны не женское лицо. М. : Советский писатель, 1968.
2. *Аникин В. П.* Теория фольклора. Курс лекций. М. : КДУ, 2004.
3. *Бунин И. А.* Собрание сочинений : в 9 т. М. : Художественная литература, 1967. Т. 6.

4. *Соколов Б. М.* Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. М. : Новая Москва, 1926. 166 с.

Ю. И. Дин РЕПАТРИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ КАК ПРОБЛЕМА ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1945–1950 гг.).

Вторая мировая война сыграла особую роль в истории Сахалинской области. Именно по результатам этой войны большая часть островного края вновь вошла в состав нашей страны. История перехода Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу тесно связана с военными действиями на Тихоокеанском театре Второй мировой войны, развалом Японской империи, послевоенным урегулированием, но более всего – с глобальными отношениями двух мировых сверхдержав – СССР и США.

Как мы помним, вопрос о Сахалине и Курильских островах решался на Ялтинской конференции антигитлеровского блока в феврале 1945 г. Тогда президент США Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с просьбой «помочь» американским войскам в войне против Японии, в отношениях с которой Советский Союз сохранял вооруженный нейтралитет. Сталин согласился открыть военные действия против Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе. В обмен на военную помощь американская сторона предложила Советскому Союзу территорию Южного Сахалина и Курильских островов (японское название Южного Сахалина – губернаторство Карафуто (до 1943 г. имело статус колонии, в 1943 г. включено в губернаторство Хоккайдо), Курильских островов – Тисима (административно входили в состав губернаторства)), а также ряд других уступок. Обе стороны подтвердили существующие договоренности на Потсдамской конференции в июле 1945 г.

Советский Союз, в соответствии с договоренностями, объявил войну Японии 8 августа 1945 г. После этого началась масштабная военная операция советских войск на востоке. За считанные дни была принята капитуляция японской Квантунской армии, дислоцирующейся в Китае и Корее. На Сахалине и Курильских островах были проведены Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции, которые приняли капитуляцию японских войск и полностью взяли эти территории под свой контроль.

В сентябре 1945 г. на Южном Сахалине и Курильских островах было учреждено Гражданское управление при штабе 2-го Дальневосточного фронта под руководством Д. Н. Крюкова. Именно Гражданское управление наводило порядок на островах, возвращало население, бежавшее в леса, организовывало подвоз продовольствия, восстановление работы промышленных предприятий и устройство мирной жизни. Также на период работы Гражданского управления приходится начало и первый этап репатриации местного японского населения.

Репатриация (под репатриацией в данном случае автор понимает возвращение на родину военнопленных или гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами в результате войны, и проведенное государствами в соответствии с международными соглашениями) (17) населения Южного Сахалина и Курильских островов проходила в период с декабря 1946 до июля 1949 г. Репатриация шла через лагерь № 379 в г. Маока (Холмск) только в навигационный период. Транспортировку населения осуществляли на кораблях, присланных американцами (армия США в период 1945–1952 гг. полностью оккупировала Японию. Управление страной осуществлял Штаб Верховного Главнокомандующего Союзными войсками для Японии (до 1951 г. эту должность занимал генерал Дуглас Макартур, а в 1951–52 гг. – генерал Мэтью Риджуэй), именно с этим Штабом Советский Союз согласовывал все вопросы по репатриации японцев с Южного Сахалина и Курильских островов), но с японскими экипажами (японское правительство также несло все расходы).

Согласно заключенному 19 декабря 1946 г. американо-советскому соглашению по вопросу репатриации с территории, которая контролировалась СССР, возвращению в Японию подлежали все японские военнопленные и гражданские лица (последние в добровольном порядке). С территории Японии подлежали репатриации на территорию, подконтрольную СССР, 10 тыс. корейцев, которые были выходцами с северной части Корейского полуострова (1).

Надо сказать, что если репатриация японского населения была проведена успешно, то пла-